

Орсо. Генрик Сенкевич

Последние осенние дни в Анагейме, городке, находящемся в южной части Калифорнии, [1] почти всегда бывают днями развлечений и празднеств. В это время заканчивается сбор винограда, и потому в город съезжаются рабочие окрестных ферм и сами фермеры.

Нет более живописного зрелища, чем это скопление людей, состоящее частично из мексиканцев, а главным образом из индейцев племени кагуиллов. Последние, в поисках заработка, приезжают сюда даже с диких гор Сан-Бернардино, находящихся в самой глубине края.

Почти все приезжие располагаются на улицах или площадях и спят тут в палатках, а то и просто под открытым, всегда безоблачным в эту пору небом.

Этот красивый городок, окружённый эвкалиптами и другими тропическими деревьями, становится тогда таким оживлённым, будто здесь бурлит пёстрая и шумная ярмарка. Анагейм являет тогда резкую противоположность начинающейся сразу за городскими виноградниками саванне, [2] где царит глубокая и суровая тишина.

К концу дня огненный диск солнца погружается в глубины океана, и на розовом от вечерней зари небе появляются стаи тянущихся с гор к океану диких гусей, уток, пеликанов и журавлей. Заходящее солнце освещает их, и они тоже кажутся розовыми. Вскоре в городе зажигаются костры, и начинается гулянье. Музыканты-негры стучат кастаньетами; [3] возле каждого костра раздаются звуки бубнов и рокотанье банджо; [4] мексиканцы пляшут на растянутых по земле плащах – пончо – своё любимое болеро; индейцы аккомпанируют им на длинных белых тростниковых дудках – киоттэ – или восклицают: «Э вива!»; трещат костры, сложенные из длинных поленьев красного дерева, и алые искры взлетают ввысь. В багровом свете костров видны пляшущие фигуры. Тут же стоят местные поселенцы [5] под руку со своими красивыми жёнами и дочерьми, с интересом наблюдающими за гуляньем.

Но день, когда ноги индейцев выжмут последнюю виноградную гроздь, [6] – ещё более праздничный. К этому времени из Лос-Анжелоса приезжает в Анагейм разъездной цирк. Его директору, мистеру Гиршу, принадлежит ещё и зверинец. Кроме обезьян, кугуаров, африканских львов и одного слона, есть тут и десяток вставших от старости в детство попугаев – словом, весь «грандиозный мировой аттракцион», как говорит о зверинце сам мистер Гирш.

Конечно, кагуиллы отдают последние пезо, [7] чтобы увидеть не столько диких зверей (их в Сан-Бер-нардино и так немало), сколько самих артистов, атлетов, клоунов, а также разные «чудеса цирка», которые кажутся им колдовством.

Всякий, кто сказал бы, что цирк мистера Гирша привлекает только индейцев, китайцев или негров, безусловно вызвал бы опасный гнев владельца. Как раз наоборот: с прибытием цирка сюда съезжаются и окрестные поселенцы и даже жители небольших соседних городков – Вестминстера, Оранжа и Лос-Ньетос. По улице Апельсина тогда просто невозможно пройти – она забита телегами и повозками всевозможных форм и видов.

Вся местная «знать» является на празднество. Молодые, стройные мисс разъезжают по улицам, испанские сеньориты из Лос-Ньетос бросают лукавые взгляды из-под тонких кружевных косынок; одетые по последней моде дамы горделиво опираются на руки своих мужей – фермеров, весь костюм которых состоит из потрёпанной шляпы, репсовых брюк и фланелевой рубашки, застёгнутой за отсутствием галстука на крючок с петелькой.

Всё это «общество» шумно приветствует друг друга, перекликается, зоркими глазами следит за тем, насколько модно одеты другие, и потихоньку сплетничает.

Среди колясок, увитых цветами и похожих на огромные букеты, гарцуют на горячих мустангах[8] молодые люди. Их полудикие кони, напуганные шумом и грохотом, косят налившимися кровью глазами, поднимаются на дыбы, пронзительно ржут, но энергичные всадники не обращают на это никакого внимания.

Все говорят о «грандиозном аттракционе», то-есть о подробностях вечернего представления, которое на этот раз должно затмить всё, что до сих пор было показано в цирке.

Действительно, огромные афиши оповещают жителей о невиданных чудесах. Сам директор, мистер Гирш, «артист бича», будет выступать с наиболее свирепым из всех африканских львов. Как указано в программе, лев бросится на директора, который будет защищаться только бичом. Но этот обычный, ничем не примечательный предмет превратится в искусных руках (тоже, как указано в программе) не только в спасительный щит, но и в разящий меч. Кончик этого бича будет жалить, как гремучая змея, мелькать, как молния, разить, как гром, и всё время держать на значительном расстоянии страшилище, тщетно мечущееся по клетке в стремлении броситься на укротителя.

Но и это ещё не всё. Шестнадцатилетний Орсо, «американский Геркулес[9]», сын белого и индианки, пронесёт на перекладине шесть человек: по три на каждом плече. Кроме того, дирекция обещает уплатить сто долларов каждому, «независимо от цвета кожи», кто в рукопашной схватке одолеет юного атлета.

По Анагейму ходят слухи, что с гор Сан-Бернардино, специально для схватки с Орсо, прибыл некий Гризли-Киллер («победитель медведей») – известный своей неустрасимостью и силой охотник. Он первый, как только возник штат Калифорния, отважился выйти на страшного серого медведя – гризли – в одиночку, имея при себе только топор и нож.

Возможность победы Гризли-Киллера над шестнадцатилетним силачом из цирка мистера Гирша сильно возбуждает умы всех мужчин – жителей Анагейма.

Если Орсо, до этого времени всегда укладывавший на обе лопатки самых сильных янки[10] штатов, будет побеждён теперь, всю Калифорнию овеет громкая слава.

Умы женщин были больше возбуждены третьим номером программы: тот же могучий Орсо будет носить на тридцатифутовом перше[11] маленькую Дженни – истинное «чудо мира», о которой афиши возвещали» что она самая красивая девочка, которая когда-либо жила на земле. Дженни было всего тринадцать лет. Но и тут дирекция обещала сто долларов каждой девушке, и тоже «без различия цвета кожи», которая будет признана красивее этого «воздушного ангела». Читая этот пункт программы, знатные мисс и миссис из Анагейма и его окрестностей в презрительной гримаске кривят губы, считая недостойным «образованной леди» вступать в такое соревнование.

Однако каждая из них скорее согласится отдать свой билет на бега, чем откажется от посещения вечернего циркового представления, где можно увидеть маленькую соперницу, в превосходство красоты которой по сравнению, например, с сестрами Бимпа они всё же не верят.

Обе сестры Бимпа – старшая Рефуджио и младшая Мерседес, – небрежно сидя в отличном экипаже, тоже читают эту афишу. На их красивых лицах не отражается ни малейшего волнения, хотя они и чувствуют, что взоры всего Анагейма в эту минуту обращены к ним, как бы призывая их спасти честь всего штата. Вместе с тем в этих взглядах – своеобразная патриотическая гордость, которая покоится на уверенности в том, что, кроме этих двух калифорнийских цветков, не найдёшь более прекрасных во всех горах и каньонах[12] Нового Света.[13]

Как прекрасны сестры Рефуджио и Мерседес! Не зря в их жилах течёт чистойшей кастильская[14] кровь. Их мать ежеминутно напоминает всем об этом обстоятельстве, подчёркивая тем своё высокомерное презрение ко всякого рода «цветным», а также и ко всем светловолосым людям, то есть к янки.

Какой же должна быть Дженни, чтобы она могла одержать победу над ними? Местная газета «Еженедельное субботнее обозрение» писала, что когда маленькая Дженни взбирается на верхушку перша, поставленного на могучее плечо Орсо, когда, повиснув там, высоко над землёй, подвергаясь опасности разбиться насмерть, она поднимает ручки и начинает мелькать, как мотылёк, – в цирке воцаряется глубокая тишина, и не только глаза, но и сердца зрителей с трепетом следят за каждым движением чудесного ребёнка.

«Кто хоть раз видел её на перше или на коне, – заключала газета, – тот не забудет её никогда в жизни. Даже самый великий художник на земле, некий мистер Гарвей из Сан-Франциско, который делал росписи в Палас-отеле, не сумел бы создать ничего похожего на этот прелестный образ».

Недоверчиво настроенная или обожающая сестёр Бимпа анагеймская молодёжь усомнилась в этом и заметила, что статья неверна. Но окончательно всё это могло выясниться лишь во время вечернего представления.

Тем временем оживление около цирка усиливалось с каждой минутой. Из длинных деревянных пристроек, окружающих полотняный цирк, доносятся рык львов и рёв слона. Попугаи, прицепившись к кольцам, свисающим со стропил, вопят во всю глотку, обезьяны качаются на собственных хвостах и передразнивают публику, удерживаемую в некотором отдалении протянутыми вдоль пристроек канатами.

Наконец из цирка выезжает процессия, главная цель которой состоит в том, чтобы произвести на публику ошеломляющее впечатление.

Процессию возглавляет огромная колымага, запряжённая шестёркой лошадей, головы которых украшены плюмажами[15] из перьев. Возницы в костюмах французских почтальонов правят лошадьми, молодцевато сидя в сёдлах. На каждой из остальных повозок сидят девушки с оливковыми ветвями в руках и стоят клетки со львами. За повозками важно выступает слон, покрытый пёстрым ковром. На спине его – ажурная башенка, и в ней – лучники[16] с большими луками и пучками стрел.

Играют трубы, бьют барабаны, рычат львы, щёлкают бичи – словом, весь этот пёстрый караван с шумом и криками движется вперёд. И это ещё не всё: за слонем везут похожую на орган машину с трубой, как у паровоза. Машина наигрывает, а вернее – с визгом и шипеньем высвистывает при помощи пара «Янки Дудль».[17] Временами пар подолгу задерживается в одной из трубок этого своеобразного органа, и тогда из неё вырывается только пронзительный свист. Но это не снижает настроения толпы, которая вне себя от восторга слушает эту визгливо-свистящую

«музыку». Американцы кричат «ура», немцы – «хох», мексиканцы – «э вива».

Толпы этих людей тянутся за повозками, площадь возле цирка пустеет, попугаи перестают вопить, а обезьяны – кувыркаться. Но «грандиозный аттракцион» в этой процессии участия не принимает. На повозках не видно ни директора – «несравнимого в искусстве владения бичом», ни «непобедимого Орсо», ни «воздушного ангела» – Дженни. Всё это приберегается для вечернего представления, чтобы создать ещё больший эффект.

Директор сидит где-то в пристройке и изредка заглядывает в кассы.

Под полотняной крышей цирка царит тишина и полумрак. В глубине, где скамейки громоздятся одна над другой, почти темно. Большая часть света падает сверху на посыпанную песком и опилками арену. В этом, словно процеженном сквозь полотно, сероватом свете можно различить коня, стоящего возле барьера арены. Около него никого нет. Конь, видимо, томится, беспрерывно отмахиваясь хвостом от мух и нетерпеливо встряхивая головой, насколько это позволяют ему туго притянутые к седлу поводья уздечки. Постепенно глазам открываются и другие предметы: лежащий на песке перш, на котором Орсо носит Дженни, и несколько заклеенных тонкой бумагой обручей, через которые девочка должна прыгать. Предметы эти брошены небрежно, и вся полусовершенно освещенная арена производит такое впечатление, как будто это покинутый дом с давно забитыми окнами. Ряды нагроможденных всюду скамеек едва виднеются в этом сероватом свете и выглядят, как руины.[18] Даже конь, который стоит опустив голову, не оживляет этой безрадостной картины.

Где же, однако, Орсо и Дженни? Проникающий через щели луч света, в котором кружатся и взлетают пылинки, падает золотистым бликом на дальние скамейки. Луч этот медленно движется по кругу и наконец освещает детей.

Орсо сидит на скамейке, а у его ног примостилась Дженни. Её прелестное детское личико склонилось к коленям атлета, а глаза обращены вверх, как бы внимая только словам товарища. Нагнувшись к ней и изредка покачивая головой, юноша что-то говорит и терпеливо разъясняет ей.

Дженни прекрасна: большие и грустные голубые глаза, тёмные брови, тонкие черты лица, открытый, ясный лоб и лёгкая тень задумчивости. Эта фигурка никак не вяжется с цирковым костюмом – коротенькой тюлевой юбочкой, украшенной серебряными блёстками, и розоватым трико.

Орсо одет в трико телесного цвета. Солнечный луч освещает его необычайно рано развившиеся плечи, очень выпуклую грудь, запавший живот и сравнительно короткие ноги. На крутой низкий лоб спадают длинные жёсткие чёрные волосы. Временами, когда он поднимает голову, видно его лицо, черты которого правильны, даже, может быть, очень правильны, но кажутся какими-то застывшими. Это юноша замкнутый, раздражительный и угрюмый. Директор, который, по правде говоря, мало рискует, ставя за него сто долларов против любого, кто хотел бы помериться с ним силами, ненавидит Орсо и вместе с тем боится его, как плохой укротитель боится зверей. Он «дрессирует» и избивает юношу по любому поводу. Это делается ещё и потому, что мистер Гирш полагает: если не бить Орсо, то сам будешь битым.

Таков Орсо.

Но с некоторого времени он стал более приветливым. Год назад, когда Орсо (который ещё обязан присматривать и за зверями) чистил клетку пумы, зверь,

высунув лапу, сильно поранил голову юноши. Орсо тут же вошёл в клетку, и между человеком и зверем произошла отчаянная борьба. Победил Орсо. Однако он был настолько изранен, что потерял сознание и потом долго болел, тем более что директор избил юношу за то, что тот переломил пуме хребет.

Во время болезни Орсо маленькая Дженни проявила к нему горячее сочувствие: перевязывала ему раны, если никого не было около него, а в свободное время садилась возле Орсо и читала ему «добрую книжку», в которой говорилось о любви к ближнему, о сострадании – словом, о тех чувствах, о которых никогда в цирке мистера Гирша даже и разговора не было.

Слушая Дженни, Орсо долго раздумывал над услышанным и наконец пришёл к выводу, что если бы в цирке всё было так, как написано в книжке, то и он был бы добрее, да и не били бы его ежедневно. Так между Орсо и Дженни возникла дружба.

С этого времени, когда в часы вечерних представлений девочка ездила на коне, Орсо следил за ней внимательным, заботливым взглядом. Подставляя ей обручи, заклеенные тонкой бумагой; он ласково улыбался, подбадривая девочку. Когда же под аккомпанемент песенки «Ах, смерть близка!» он носил её на верхушке перша, вызывая этим страх у зрителей, то и сам боялся за неё не меньше их.

Он хорошо понимал, что если бы Дженни разбилась, то в цирке не было бы уже никого из «доброй книжки», и зорко следил за её движениями. Его осторожность и беспокойство ещё более увеличивали тревогу зрителей и напряжённость самого зрелища. Позже, когда, вызываемые на «бис» бурей аплодисментов, они вместе выбегали на арену, Орсо всегда выдвигал Дженни вперёд, чтобы большая часть оваций досталась ей.

Только с одной Дженни мог свободно разговаривать Орсо, только перед нею раскрывалась его душа. Он ненавидел цирк и мистера Гирша, который был совсем иным, нежели люди из «доброй книжки».

Что-то тянуло Орсо к лесу и саваннам. Это влечение он, видимо, унаследовал не только от матери-индианки, но и от отца-белого, который, вероятно, был траппером. [19] О том, что его влечёт туда, он говорил только маленькой Дженни. Он рассказывал ей, как живётся там, в саванне. Большею частью это были его личные догадки, но кое-что он знал также и от охотников. Они иногда заходили в цирк, чтобы продать мистеру Гиршу пойманных ими диких зверей или попытаться счастье и получить сто долларов, которые директор назначил за победу над Орсо.

Маленькая Дженни обычно слушала эти рассказы, широко раскрыв голубые глаза и глубоко задумавшись...

И вот сейчас, сидя в полосе солнечного света, они снова говорят об этом, вместо того чтобы репетировать сложные прыжки девочки. Конь понуро стоит на арене в ожидании наездницы. Вперив задумчивый взгляд в пространство, девочка обдумывает, как всё это будет там, в саванне. Временами она задаёт вопросы, чтобы яснее представить себе саванну.

– А где там можно жить? – спрашивает она, снова подняв глаза на Орсо.

– Там много дубов. Люди берут топор и строят дом.

– Хорошо! – говорит Дженни. – А пока нет дома, где жить?

– Там всегда тепло. Гризли-Киллер говорил, что там очень тепло.

Дженни кивает головой в знак того, что если там тепло, то ей больше ничего не надо, но через минуту снова задумывается. У неё в цирке есть любимая собака, которую называют «госпожа собака», и кот – тоже «господин кот». Дженни хотела бы и в отношении их что-то решить.

– А господин кот и госпожа собака пойдут с нами?

– Пойдут! – отвечает Орсо.

– И добрую книжку с собой возьмём?

– Возьмём!

– Хорошо! – говорит девочка. – Господин кот будет нам ловить птиц, а госпожа собака – лаем предупреждать нас, если к нам захочет подойти гадкий человек.

Орсо чувствует себя счастливым, а Дженни продолжает:

– И мистера Гирша не будет, и цирка не будет, и мы совсем ничего не будем делать... и всё! Ах, нет! – вдруг спохватывается она. – Добрая книжка говорит, что нужно работать. Ну, так я перескочу иногда через обруч... или через два, через три, через четыре обруча.

Дженни, видимо, не представляет себе иной работы, кроме прыжков сквозь обруч.

Минуту спустя она снова спрашивает:

– Орсо, а мы всегда будем вместе?

– Да, конечно, Джи.

Когда он произносит это, лицо его светлеет и становится почти красивым.

– Джи, – говорит он после паузы, – послушай, что я тебе скажу.

Девочка хотела уже встать с низенькой скамейки, чтобы взглянуть на коня, но, услышав слова друга, опять присела около Орсо, боясь пропустить хоть одно слово. Она слушает юношу, подняв голову.

К несчастью, в эту минуту в цирк входит «артист бича». Он находится в самом скверном настроении: репетиция со львом явно не удалась. Облезлый от старости лев, который жаждет только одного – чтобы его раз и навсегда оставили в покое, – никак не хотел бросаться на «артиста бича» и под его ударами только прятался в угол клетки. Директор в отчаянии уже подумывал о том, что если эта излишняя покорность не покинет льва до вечера, то «номер с бичом» может не состояться, потому что бить льва, который трусливо отступает, – совсем не великое искусство.

Ещё больше ухудшилось настроение директора, когда кассиры донесли ему, что кагуиллы, видимо, истратили всё, что заработали во время уборки винограда, так как вместо денег они предлагают лишь свои накидки, меченные знаком «USA» («Соединённые Штаты Америки»).

Известие о том, что у кагуиллов нет денег, явилось ударом для «артиста бича». Он рассчитывал на полный сбор, но без битком набитой галёрки такого сбора не бывает. Поэтому у директора было сейчас одно-единственное желание: чтобы все индейцы представляли собой одну сплошную спину и чтобы на этой спине он мог дать «номер с бичом» в присутствии всего Анагейма.

В таком настроении он входит в цирк и видит привязанного к барьеру коня, понуро опустившего голову. От злости директор готов перевернуть всё вверх дном. Где же могут быть Орсо и Дженни? Прикрыв ладонью глаза, чтобы их не ослепляли тонкие лучи солнца, пробивающиеся через щели в полотняном куполе, директор вглядывается в глубину цирка и наконец в полосе света замечает Орсо, сидящего на скамье, и облокотившуюся на колени юноши Дженни. Увидев такое зрелище, мистер Гирш опускает конец бича на землю.

– Орсо! – раздаётся грозный окрик.

Гром, который внезапно ударил бы над головами детей, не вызвал бы в них большего смятения и страха, чем этот окрик. Орсо срывается с места и быстро пробирается вниз по проходу между скамейками. За ним бежит маленькая Дженни. Глаза её широко открыты от страха; по дороге она то и дело цепляется за скамейки.

Выбравшись на арену, Орсо задерживается возле барьера, хмурый и молчаливый. Серый свет, падающий сверху, чётко обрисовывает его атлетическую фигуру.

– Ближе! – хрипло рычит директор.

Конец его длинного бича уже извивается по песку так зловеще, как будто это шевелится кончик хвоста у тигра, подстерегающего в засаде очередную жертву.

Орсо делает несколько шагов вперёд, и мгновение они смотрят в глаза друг другу. Лицо директора отражает сейчас его настроение – это укротитель, который вошёл в клетку с намерением дрессировать и сечь опасного зверя, но вместе с тем с опаской следит за каждым его движением.

Однако ярость и бешенство берут в нём верх над осторожностью. Его тонкие ноги, обтянутые лосинами, [20] на которые надеты высокие сапоги, подпрыгивают от злости.

– Проклятая собака! Пёс вонючий!.. – в злобе шипит директор.

Бич с быстротой молнии описал круг, свистнул, прошелестел и ударил. Орсо тихо вскрикнул и шагнул вперёд, но второй удар сразу же удержал его на месте. Затем последовал третий, четвёртый... десятый... «Концерт» начался, хотя зрителей ещё не было. Поднятая рука «великого артиста» была почти неподвижна, только кисть вращалась, как насаженный на вал шкив какой-то машины, и каждый его поворот заканчивался ударом по телу Орсо. Казалось, что бич, или, вернее, его жалящий кончик, заполнил собой всё пространство между юным атлетом и директором, который, постепенно возбуждаясь, дошёл до полного «артистического вдохновения».

«Артист» поистине «импровизировал»: свистящий конец бича, мелькая в воздухе, уже

дважды оставил на шее мальчика кровавые следы, которые вечером должна была скрыть пудра.

Орсо молчал. Однако при каждом ударе, когда он делал шаг вперёд, директор отступал на шаг назад. Так они обошли всю арену. И тогда директор отступил с арены так же, как укротитель, покидающий клетку. Затем он исчез у входа в конюшни... совсем как укротитель!

Перед уходом взгляд его упал на Дженни.

– На коня! – крикнул он. – С тобой сочтёмся после!

Ещё не замер звук этого окрика, а Дженни уже вскочила на спину коня, и белая тюлевая юбочка мелькнула в воздухе. Когда директор исчез за занавесом, конь начал галопировать по кругу, изредка ударяя копытами о барьер.

– Гоп! Гоп! – покрикивала Дженни тоненьким голоском. – Гоп! Гоп!

Но это «Гоп! Гоп!» было вместе с тем и плачем. Конь бежал всё скорее и скорее, ударял копытами о барьер, всё больше и больше наклоняясь в одну сторону в своей быстрой скачке. Девочка стояла на седле, плотно сжав тонкие ножки, и казалось, что она едва касается его кончиками пальцев ног. Балансируя розовыми голыми ручонками, девочка пыталась сохранить равновесие, а её волосы, откинутые назад движением воздуха, будто гнались за лёгкой фигуркой. Она была похожа сейчас на птичку, парящую в воздухе.

– Гоп! Гоп! – снова покрикивала она.

Слёзы так застилали ей глаза, что она вынуждена была вскидывать головку вверх, чтобы увидеть хоть что-нибудь. Бешеная скачка вызвала дурноту: бесконечные ряды скамеек, стены и арена начали кружиться перед её глазами. Она пошатнулась раз, другой... и упала на руки Орсо.

– Ох, Орсо! Бедный Орсо! – всхлипывала Дженни.

– Что с тобой, Джи? – шептал юноша. – Зачем ты плачешь? Мне совсем не больно... право, не больно...

Дженни обхватила его шею обеими руками. Всё её тело сотрясалось, а плач переходил в рыдания.

– Орсо!.. Ох, Орсо!.. – повторяла девочка, не в силах произнести больше ни слова.

Если бы её самоё избили так, она, вероятно, не плакала бы сильнее, чем сейчас.

Орсо как мог принялся её утешать:

– Ничего, мне уже не больно... Когда ты возле меня, мне очень хорошо, Дженни...

А директор в это время в дикой злобе бегал по конюшням. Он получил бы несказанное удовольствие, если бы избил сейчас Джанни, очень сильно избил бы! Этому желанию он не мог больше противиться и через минуту позвал девочку. Она немедленно отбежала от Орсо и исчезла в тёмном входе в конюшни. Вбежав туда, она

сначала не заметила никого: там было ещё темнее, чем на арене. Боясь, как бы ей не поставили в вину, что она не сразу выполнила приказание, девочка проговорила тихим, дрожащим голосом:

– Я уже здесь, мистер! Я здесь!

В ту же минуту грубая рука директора схватила её маленькую ручонку и хриплый голос крикнул:

– Иди!

Если бы директор злился или кричал, это меньше устало бы Дженни, чем его молчание. А он тащил её в сторону циркового гардероба. Поэтому, подавшись назад и сопротивляясь изо всех сил, девочка быстро повторила:

– Мистер Гирш!.. Миленький, дорогой!.. Я больше не буду...

Но он насильно втащил её в длинный глухой чулан, в котором был склад костюмов, и запер двери на ключ.

Дженни упала на колени. С поднятыми вверх испуганными глазами, со сложенными в мольбе ручонками, дрожащая, словно одинокий листок, заливаясь слезами, она пыталась упросить его, но мистер Гирш, сняв со стены плётку, рявкнул в ответ:

– Ложись!

Девочка в отчаянии ухватилась за его ноги – она почти умерла от ужаса. Каждый нерв трепетал в ней, как натянутая до отказа струна. Но она напрасно прижимала своими побелевшими губками к лакированным голенищам его сапог – её страх и мольбы, казалось, ещё сильнее разъярили неумолимого «артиста».

Он схватил девочку за пояс юбочки, швырнул её на кучу одежды, лежавшей на столе, и сильно ударил плёткой.

– Орсо! Орсо! – изо всех сил закричала Дженни.

Почти в ту же минуту двери закачались на петлях, затрещали сверху донизу и одна половина их с грохотом рухнула на пол.

В проломе стоял Орсо.

Плётка вывалилась из рук мистера Гирша, лицо его стало бледным от страха. Вид Орсо и впрямь был ужасен: вместо зрачков видны были только белки глаз, губы покрыты пеной, голова наклонена вперёд, и всё тело сжалось как бы перед прыжком.

– Прочь! – крикнул директор, пытаясь неистовым криком скрыть свой страх.

Но спасения уже не было. Обычно послушный каждому жесту «укротителя», Орсо на этот раз не дрогнул, а ещё ниже наклонил голову и с угрожающим видом шагнул к «артисту бича», расправляя свои могучие плечи.

– Помогите! Помогите! – завопил «артист».

Его услышали.

Из конюшен, через выломанные двери, опрометью вбежали четверо огромных служителей. Они набросились на Орсо. Завязалась страшная схватка. Директор стучал зубами от страха. В течение нескольких минут он видел только клубок сплетённых тел, их конвульсивные движения. Порой слышались то стон, то тяжёлое, прерывистое дыхание. Потом из этой кучи тел поднялся лишь Орсо. Он был страшен. Орсо снова двинулся на директора. «Непревзойдённый артист» закрыл глаза. В ту же минуту он почувствовал, что ноги его оторвались от земли, потом ощутил, что летит по воздуху, а затем.. ударившись всем телом об оставшуюся целой створку двери, без чувств грохнулся на пол.

Орсо отёр лицо и подошёл к Дженни.

– Пойдём, Дженни! – коротко сказал юноша.

Он взял девочку за руку, и они вышли из цирка.

Почти все горожане ушли за процессией повозок и машиной, играющей «Янки Дудль».

Площадь около цирка опустела. Только качающиеся на кольцах попугаи своим криком изредка оглашали воздух.

Крепко держась за руки, дети шли туда, где виднелись необозримая саванна и кактусы. Молча они миновали дома, укрывшиеся в тени эвкалиптов, затем прошли мимо городской скотобойни, над которой кружило множество чёрных с красными крыльями птиц, потом перебрались через большую оросительную канаву, вошли в рощу апельсиновых деревьев и, пройдя её, оказались в зарослях кустарника.

Это уже была саванна.

Насколько видно было, всюду громоздились высокие группы колючих кактусов. Их длинные стебли преграждали дорогу, цеплялись колючками за тюлевую юбочку Дженни, но дети шли и шли, сворачивая то влево, то вправо, – только бы уйти подальше. В местах, где кактусы были пониже, на самом краю горизонта, виднелись голубые горы Санта-Анна.

Дети направились в сторону этих гор. Стояла сильная жара. Пепельного цвета цикады стрекотали в кустах, потоки солнечных лучей падали почти отвесно, высохшая земля пестрела сетью трещин, прямые и грубые иглы кактусов казались размягчёнными, а цветы поблёкли и наполовину завяли.

Дети шли молча, глубоко задумавшись. Всё здесь было для них настолько новым, что под сильным впечатлением окружающего они как-то не чувствовали усталости. Дженни бросала быстрые взгляды то на одни цветы, то на другие, то зорко всматривалась в самую гущу кактусов и порой тихо спрашивала Орсо:

– Так это и есть саванна?

Однако местность совсем не была пустынной. В отдалённых кустах перекликались куропатки, а вокруг раздавались самые разнообразные и странные звуки: хлопанье, чмоканье, ворчанье – различные голоса населяющих саванну животных и птиц. Иногда

прямо из-под ног взлетала целая стая куропаток; чубатые дергачи удирали на длинных ногах, даже не пытаясь взлететь; как только дети приближались, чёрные белки ныряли в кусты, зайцы и кролики разбегались во все стороны. Жирные суслики, сидевшие на задних лапках перед норками, напоминали раздобревших фермеров, стоящих в дверях своих домов.

Немного отдохнув, дети направились дальше. Скоро Дженни захотела пить, и Орсо, проявив природную индейскую сноровку и находчивость, пришёл на помощь девочке, нарвав для неё плодов кактуса. К счастью, таких плодов тут было много. Они росли вместе с цветами на тех же стеблях. Очищая плоды, дети искололи пальцы о тонкие, как волоски, колючки, но зато сердцевина была очень вкусна. Сладковато-кислая мякоть утоляла одновременно и голод и жажду.

Саванна накормила детей, как заботливая мать. Подкрепившись, они двинулись дальше. Дорога всё время шла в гору. Обернувшись ещё раз, теперь уже с холма, дети увидели вдалеке расплывчатые очертания Анагейма, похожего на большую купу деревьев, растущих в голой степи. Цирка уже не было видно.

Но они всё шли и шли – шли терпеливо и настойчиво к горам, которые всё яснее очерчивались на горизонте. Местность начала изменяться: между кактусами появился различный кустарник и даже деревья – отсюда начиналась лесистая часть предгорья Санта-Анна.

Орсо вырвал небольшое деревце и, пообломав ветви, сделал из него дубинку, которая в его сильных руках могла стать грозным оружием. Инстинкт индейца подсказывал ему, что в горах лучше быть вооружённым хотя бы палкой, чем идти с голыми руками.

Солнце начало клониться к западу. Огромный огненный диск погружался в океан где-то далеко за Анагеймом. Спустя несколько минут он исчез, но на западе ещё горели красные, золотые и оранжевые цвета вечерней зари, похожие на длинные ленты, протянутые по всему небу. Горы резко щетинились зубцами на фоне этой зари, кактусы принимали фантастические очертания, похожие на человеческие и звериные силуэты.

Измученная Дженни готова была вот-вот свалиться от усталости и тут же уснуть. Однако они изо всех сил стремились быстрее добраться до гор, сами не зная почему. Но вот дети дошли до скал и сразу наткнулись на ручей. Утолив жажду, они медленно пошли вдоль русла. Скалы, сначала разрозненные и одинокие, как бы сдвинулись вместе, и перед глазами Орсо и Дженни встали высокие каменные стены. Так Дети вошли в каньон.

Заря гасла, мрак всё больше и больше покрывал землю. В некоторых местах лианы перекидывались с одной стороны каньона на другую и создавали над ручьём подобие свода; там было совсем темно и страшно. Сверху доносился шум деревьев, которых снизу нельзя было разглядеть. Орсо понял, что там, наверху, находится глухой и дремучий лес, в котором полно диких зверей. По временам из лесу доносились подозрительные, вселяющие страх звуки, а когда наступила ночь, то стали явственно слышны хриплый визг рысей, рык пум и плачущий вой койотов.[21]

– Тебе не страшно, Джи? – спрашивал Орсо.

– Нет! – отвечала девочка.

Но она была уже совершенно измучена и не могла идти дальше. Орсо пришлось взять её на руки.

Он продолжал настойчиво идти вперёд. Юноша надеялся встретить какого-нибудь скваттера[22] или выйти к мексиканским палаткам. Раз или два ему показалось, что он видит вдалеке сверкающие глаза диких зверей. Тогда он одной рукой прижимал к груди спящую Дженни, а другой крепко стискивал свою дубинку. Он тоже сильно устал: Дженни начала оттягивать ему плечо, тем более что он всё время нёс её на левой руке, желая сохранить правую свободной для защиты. Иногда он останавливался, чтобы передохнуть, и снова упорно шёл вперёд.

Внезапно он остановился и насторожённо прислушался. Ему почудилось, что откуда-то издали до него донеслись звуки колокольчиков, которые скваттеры обычно привязывают на ночь коровам и козам. Быстро двинувшись вперёд, он вскоре добрался до поворота ручья. Звуки колокольчиков становились всё явственнее, но вот к ним присоединился звонкий лай собаки. Орсо теперь убедился, что подходит к какому-то селению. Для него это было спасением: за целый день он измучился, и у него уже не было сил.

Миновав ещё один поворот, Орсо увидел свет. Приближаясь к нему, он стал различать костёр, заливающую лаем собаку, очевидно привязанную к стволу дерева, а потом сидящего возле костра человека.

«Хорошо, если бы это был человек из доброй книжки!» – подумал юноша. Он решил разбудить Дженни.

– Джи! – тихо сказал он. – Проснись, будем есть.

– Что это? – спросила девочка. – Где мы?

– В каньоне.

Сон мгновенно слетел с Дженни.

– А что это там за свет?

– Там живёт какой-то человек...

Вскоре они уже совсем близко подошли к костру. Собака залаяла ещё сильнее, а старый человек поднялся и, отойдя от костра, стал всматриваться в темноту. Помолчав с минуту, он громко спросил:

– Кто там?

– Это мы, – тоненьким голоском ответила Дженни, – и нам очень хочется есть.

– Подойдите! – сказал старик.

Выйдя из-за большого камня, за которым они сначала спрятались, дети остановились прямо перед костром, крепко держась за руки. Старик изумлённо посмотрел на них, из уст его невольно вырвалось восклицание:

– Что это?..

Было чему изумиться! Он видел зрелище, которое в безлюдных горах Санта-Анна могло удивить каждого: Орсо и Дженни были в цирковых костюмах.

Неожиданно появившаяся прелестная девочка, наряженная в розовое трико и короткую тюлевую юбочку с блёстками, выглядела в свете костра, как сказочная фея. За нею стоял юноша с необычными, почти квадратными формами тела, одетый в телесного цвета трико, под которым чётко обрисовывались могучие, похожие на толстые корни дуба, мускулы. Старый скваттер глядел на детей широко открытыми глазами.

– Кто вы такие? – наконец спросил он.

Девочка, видимо рассчитывая больше на своё красноречие, чем на ответы товарища, заторопилась:

– Мы из цирка, дорогой господин!.. Мистер Гирш очень избил Орсо, а потом хотел побить меня, но Орсо не дал ему этого сделать и сам побил мистера Гирша и его четырёх слуг. А потом мы убежали в саванну и шли очень долго через кактусы, и Орсо нёс меня... А потом мы пришли сюда, и мы очень хотим есть...

Лицо старика постепенно прояснилось, и взор его с отеческим добродушием остановился на очаровательном ребёнке, который спешил высказать всё одним духом.

– Как твоё имя, малютка? – спросил он.

– Дженни.

– Ну, так добро пожаловать, Дженни! И ты, Орсо! Я здесь редко вижу людей... Подойди же ко мне, Дженни!

Девочка подошла. Не колеблясь и не раздумывая, она обняла своими ручонками шею старика и сердечно поцеловала его. Он показался ей человеком из «доброй книжки».

– А мистер Гирш нас здесь не найдёт? – вдруг тревожно спросила Дженни, отрывая своё розовое личико от морщинистого лица скваттера.

– Пулю он тут найдёт! – резко ответил старик и, помолчав, добавил: – Так вы говорите, что хотите есть?

– О да, очень!

Скваттер разгрёб золу и вытащил оттуда превосходный олений окорок, аппетитный запах которого сразу распространился вокруг. Все трое уселись за трапезу.

Ночь была чудесная: высоко над каньоном взошёл месяц, в гуще леса приятно защёлкали маукависы, [23] костёр весело потрескивал, и Орсо даже что-то забормотал от радости.

Изголодавшиеся дети ели с большим аппетитом. Не мог есть только старый скваттер. Неведомо почему при каждом взгляде на маленькую Дженни у него на глазах выступали слёзы. Может быть, он когда-то и сам был отцом, а может быть, в пустынных горах он просто отвык от людей...

* * *

С того дня трое этих людей всегда жили вместе.

Примечания

1 Калифорния – один из южных штатов США. Действие рассказа происходит в середине прошлого столетия.

2 Саванна – обширная равнина, покрытая травянистой растительностью, колючим кустарником и низкорослыми деревьями.

3 Кастаньеты – деревянные погремушки, надеваемые на пальцы для прищелкивания во время исполнения испанских танцев.

4 Банджо – струнный щипковый инструмент.

5 Поселенцы – здесь: люди, приехавшие из разных мест и впервые поселившиеся в южной части Калифорнии.

6 «...ноги индейцев выжмут последнюю виноградную гроздь...» – После сбора урожая виноград выжимали ногами для приготовления вина из его сока.

7 Пезо – мелкая монета.

8 Мустанги – одичавшие лошади в степях (прериях) Америки.

9 Геркулес (Геракл) – легендарный герой древней Греции, прославившийся физической силой и подвигами.

10 Янки – прозвище, данное американцам европейцами.

11 Перш – длинный шест для акробатических упражнений.

12 Каньон – глубокая узкая долина с крутыми склонами.

13 Новый Свет – Так в прошлые века называли Америку.

14 Кастильская – испанская.

15 Плюмаж – украшение из перьев.

16 Лучник – стрелок, вооружённый луком.

17 «Янки Дудль» – песенка, распространённая в Америке в прошлом веке.

18 Руины – развалины.

19 Траппер – охотник на пушного зверя.

20 Лосины – штаны из лосиной кожи, плотно облегающие ноги.

21 Койот – степной волк.

22 Скваттер – поселенец, занявший свободный, необработанный участок земли во

время заселения края.

23 Маукавис – южноамериканский соловей.